

Формула русской философии: Гегель плюс Пушкин¹

(доклад на историко-методологическом семинаре «Русская мысль» в РХГА)

Прежде чем приступить к раскрытию заявленной темы, позволю себе одно замечание. Тема сегодняшнего доклада не случайна, его надо понимать как продолжение предыдущего, февральского, [посвященного сравнительному анализу двух любовных историй](#) – боярыни Морозовой и купчихи Морозовой (1). В прошлый раз у некоторых членов семинара возникло подозрение, что разговор о русском чувстве снижает философскую значимость заседания. Полагаю, что сегодня мне удастся рассеять сомнения, если у кого-то они остались после той дискуссии, и показать, что правильно осуществленное описание чувства является важным и необходимым элементом философского исследования. А теперь перехожу собственно к докладу.

Каково место русской философии в истории философии? Пока такого места нет. Русская философия – это утопия. То, что у нас неточно называют философией, по справедливости следует назвать ее преддверием. В храме истины, увы, мы пока оглашенные. Конечно, русские уже вышли из африканской тьмы внешней и кое-что у философских народов (греков и немцев) переняли. Но главным итогом попыток философии в России пока остаются переводы зарубежной классики. Дошкольное кривлянье публицистов или кантианско-феноменологическую азбуку, которые подчас выдают за что-то оригинальное, следует оценить как детство мысли.

Если русская мысль действительно хочет быть философской и занять в истории какое-то место, она первым делом должна научиться знать свое место, то есть воздерживаться от привычных невоспитанному русскому чувству националистических замашек. Пока нам в философском плане гордиться нечем. Когда и если русские философски созреют, гордиться – так бессовестно и беззастенчиво, как у нас это нередко бывает, – будет незачем. Любовь не ищет своего в царстве тщеславия, особенно если это безответная любовь к мудрости.

Лично меня интересует не русская философия, а философия, которая, осуществившись, в известных обстоятельствах может оказаться и русской и которая в моих личных обстоятельствах просто не может быть другой. Когда и если мудрое отношение к современной жизни выработается в России, а не в другой стране, тогда появится основание рассуждать о месте русской философии в истории философии, о ее отличительных чертах, о ее значении для науки, искусства, экономики, политики и так далее.

В России философии нет, но где-то она есть. Где? В Германии, точнее, у Гегеля. Гегель – философ. Все, кто были до него и после него, – не философы, а, с одной стороны, предтечи, с другой, неудачливые претенденты. Вкратце достоинства его учения можно описать при помощи понятий «бытие», «цельность», «совершенство».

Гегель – философ, потому что мыслит в бытии. Его мысль охватывает всю совокупность предметов чувственно воспринимаемых, представляемых и мыслимых, включая себя самое. Нет такой вещи, на которую мы могли бы указать и воскликнуть: а этого Гегель не учел! Гегель учел все, правда, лишь в той мере, в какой это необходимо для нужд философии, а не в той, в какой этого хотелось бы наглядно-образному мышлению. Аналогично с вещами, на которые мы, не умея указать, лишь многозначительно намекали бы: все возможные плоды воображения Гегелю известны, и с должной степенью детализации им описаны.

Гегель – философ, потому что его мысль в бытии цельна. Все предметы изучаются Гегелем не изолированно, а во взаимосвязях друг с другом. Физические, биологические, исторические, психологические, юридические, нравственные, эстетические, религиозные явления предстают как части в составе сложного целого. Вовне этой целостности не остается каких-то забытых элементов, созданное Гегелем знание всеохватно, энциклопедично.

Гегель – философ, потому что его мысль в цельном бытии завершена. Части в составе целого не только соотнесены друг с другом, но соотнесены единственно правильным образом. Небывалой гармонии частей и целого Гегелю удалось добиться благодаря особому методу. Совершенная система гармонических отношений возникла как результат диалектического отрицания ограничений, которые присущи частям целого, взятым по отдельности.

Основное преимущество Гегеля заключено в логике, на которую опираются остальные части системы. Поэтому пойти дальше Гегеля можно, только усовершенствовав его логику. Все остальное – анализ общественно-политической или природоведческой проблематики, хотя бы и с позиций гегелевской логики, – есть имитация философского развития, есть прикладная философия, которая уже и не философия. Все остальное подобно

¹ Статья подготовлена для сайта «Гегель в России» в рамках проекта РГНФ «№ 12-03-12013 «Информационно-аналитический портал и гипертекстовая электронная библиотека «Гегель в России».

двухтысячелетним попыткам усовершенствовать формальную логику Аристотеля при помощи разного рода психологии – попыткам непринципиальным, не логическим и потому ложным и бесплодным.

А можно ли вообще пойти дальше Гегеля, если он такой замечательный мыслитель, учение которого приобрело совершенные формы? Должно. Это долженствование столь же естественно, как аппетит у здорового организма. Соревновательность не может быть главным мотивом высокого творчества, однако на вспомогательных ролях полезна и необходима. Соревновательность одушевляет разнообразные частные интересы тех, кто сегодня формально причастен философии, и дает нам нравственное право именоваться философами. Если в нас не будет даже притязания на то, чтобы сказать нечто новое в философии, мы не имеем право называть себя философами, получать дипломы, награды и прибавки к зарплате.

Это долженствование пойти дальше Гегеля имеет не только нравственную природу. Достаточно вспомнить, что Гегель явился творцом исторического способа мышления, которое обнаруживает в многообразии разрозненных явлений и событий направляющие линии логического развития. Если бытие было исторично до Гегеля, отчего бы ему утратить это свойство после него? Если бытие привело себя к Гегелю, то почему после Гегеля оно никуда дальше не ведет? Наивная вера преодолевателей гегелизма из числа позитивистов и экзистенциалистов не лишена оснований и в известном смысле заслуживает большего уважения, чем ученость книжников и фарисеев от философии.

Помимо самоуважения и общих историко-философских соображений в пользу возможности пойти дальше Гегеля свидетельствует... он сам. Да, в «Науке логики» он сам пригласил потомков к благородному соперничеству: «Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в этой системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частностях, но в то же время я знаю, что он единственно истинный» (2). Как и в остальных случаях, Гегель не бросается словами. Из всех доселе известных методов предложенный им в «Науке логики» – единственно истинный. Но Гегель сам допускает возможность усовершенствования метода даже при современном ему состоянии культуры. Если же соотнести это суждение с другим, в Предисловии к «Науке логики» 1831 г., то станет очевидно, что усовершенствование со временем может и должно затронуть не только частности. Обозначая историческую перспективу, он говорит о своем произведении, что оно, «как принадлежащее нынешнему миру, имеет перед собой для разработки более глубокий принцип, более трудный предмет и более богатый по объему материал» (3) по сравнению с работами предшественников. Для внимательных потомков это призыв: постичь дух своего времени и выразить его в еще более совершенной форме, чем это сделал Гегель, если за двести лет что-то изменилось. А похоже, что изменилось.

Уже говорилось, что пойти дальше Гегеля можно, только усовершенствовав его логику. До тех пор, пока критика Гегеля ведется при помощи его же логики, никакие научные открытия, чудеса техники или социальные эксперименты не будут иметь силу достаточных аргументов. Логiku можно усовершенствовать, только поняв ее исторические предпосылки.

Гегелевская наука логики стала результатом трудной феноменологии, примерки и аскетичного отрицания духом неистинных жизненных форм. В логике феноменологии, говоря языком Гегеля, снята. Это значит, что прозрачные и невесомые логические категории насыщены страстями, как дневной свет – цветами. Чтобы усовершенствовать науку логики, необходимо, во-первых, смиренно усвоить опыт гегелевской мысли и, во-вторых, дерзновенно обогатить его. Требуется прожить более сложную феноменологию, чем Гегель.

Индивидуальный опыт составляет незначительную часть феноменологии духа, в основном же познание осуществляется в надиндивидуальном измерении, общей формой которого является язык. Опыт другого человека, опыт народа, опыт человечества представлен в языке. Соответственно, для приобретения более богатого опыта, чем имелся у Гегеля, необходимо лучше него овладеть языком.

Гегель вполне сознавал значение языка для познания. Об этом свидетельствуют как весь строй его мышления, так и многочисленные высказывания с 1788 г. (Гегелю восемнадцать лет) по 1831 г. (год его кончины). Например, в выпускной гимназической речи в августе 1788 г., посвященной древним поэтам, он говорит: «основное преимущество изучения иностранных языков заключается в том, что мы таким образом учимся и обобщать понятия, и обособлять их» (4). В декабре того же года он продолжает рассуждать о пользе изучения древних авторов и, в частности, замечает: «язык для нас – это совершенно ограниченное собрание определенных понятий, согласно которым мы формируем все, что видим или замечаем. Существенной пользой, которую приносит обучение иностранным языкам, является, пожалуй, вызванное этим обогащение наших понятий, особенно когда культура говоривших на этом языке народов отличается от нашей» (5).

Филологический интерес у Гегеля не самостоятелен, он призван служить более возвышенным целям: «Поскольку произведения древних... особенно пригодны для приобретения понятий, из этого ясно, какой целесообразной подготовкой к изучению философии является их чтение» (6). Изучение своего языка, изучение других языков, процесс сопоставления понятий, категорий, конструкций разных языков – все это требуется для того, чтобы натренировать мышление, приготовить его к разработке философской проблематики.

В 1809 году, уже в качестве директора гимназии, а не ее выпускника, Гегель почти дословно повторяет многие свои суждения о природе языка, о пользе изучения древних авторов, а кроме того добавляет: «нельзя считать образованным народ, который не может выразить всех сокровищ науки и свободно оперировать с любым содержанием на своем собственном языке. Той проникновенности, с которой принадлежит нам наш собственный язык, нет в знаниях, данных нам только на чужом языке; они отделены от нас перегородкой, которая не позволяет им быть своими для духа» (7).

Итак, язык – это одновременно и основа народной жизни, и средство истинного познания. Чтобы выразить истину, философу надлежит в совершенстве овладеть родным языком, причем не пассивно, а творчески.

Здесь уместно отметить, что помимо многочисленных рассуждений и высказываний на тему языка в «Феноменологии духа», «Науке логики», «Эстетике», помимо ярких публицистических пассажей и афоризмов, украшающих страницы каждого гегелевского произведения, известны поэтические опыты философа. К ним относятся, например, юношеское стихотворение «Элевсин» и стихотворение, посвященное невесте, написанное буквально за полгода до создания первой части «Науки логики» уже зрелым автором. Это уже не юношеское увлечение, это ему уже слегка за сорок. Пожалуй, в этих стихотворениях нет гетевской легкости и страсти, мощи языка и изящества, но это, в отношении заложенного в них смысла и поэтической техники, хорошо выполненные стихи. Чтобы дополнить поэтический портрет Гегеля, надо вспомнить его общение с йенскими романтиками и продолжавшуюся долго после окончания университета взаимную приязнь с Гельдерлином.

Через чтение поэзии и самостоятельное стихотворство Гегелю открылись те прекрасные и возвышенные чувства, которые философу необходимо очистить и возвести к понятию. Без этих чувств, роднящих познающего индивида с другими людьми и с другими эпохами, понятия пусты и безжизненны. Рассуждая о пользе изучения древних поэтов, Гегель утверждает, что формальной классической образованности мало: чтобы приблизиться к познанию истины, «недостаточно общего внешнего знакомства с древними, мы должны сжиться с ними, впитать в себя их воздух, их представления, их нравы и даже, если угодно, их заблуждения и предрассудки... тот, кто не знал произведений древних, жил, не зная красоты» (8). Феноменологический опыт болезнен, поскольку неизбежны ошибки, и как Гегель нам показывает, они необходимы, мы должны сами лезть на рожон и совершать ошибки. Но и целителен этот опыт одновременно, поскольку научает их не повторять, позволяет двигаться дальше. Конечный же смысл его рассуждений о языке состоит в том, что, изучая свой язык, изучая другие языки, усваивая больше понятий, узнавая больше оттенков известных нам понятий, «мы обогащаемся и уготовляем себе лучшую субстанцию» (9). Вот этот субстанциальный познающий субъект Гегелем все время имеется в виду, когда он рассуждает о поэзии, о литературе, об искусстве, еще о чем-то, казалось бы далеко от метафизики.

Субстанция русского духа – Пушкин. Русский человек живет в языке, а значит в мире, созданном Пушкиным. Пушкин – господин русского языка, главный русский человек, и мимо него никакое развитие в России пойти не может. Пушкин – прежде всего поэт. Величайший ли? Из русских – несомненно. Он полнее всех выразил русское чувство – прочный сплав эмоций и рассудка. Он сам стал символом русского народа. Правомочен вопрос и о первенстве Пушкина в мировой литературе, а, значит, в мировой культуре вообще. Пушкин великий поэт, потому что бесподобно выражает широчайший диапазон переживаний, доступных развитой душе. Его технический инструментарий чрезвычайно богат – ритмы, размеры, рифмы, обороты, синтаксис, образы, сюжеты, композиционные приемы. У каждой из этих форм есть своя художественная задача, для которой она подходит лучше всех остальных. Пушкин великий поэт, потому что его поэтическая техника не самодостаточна, а служит средством познания мира. Пушкин разносторонний и глубокий мыслитель, поставивший и отчасти разрешивший ряд серьезных психологических, мировоззренческих, исторических, социальных, литературоведческих проблем. При этом до построения общей системы знания Пушкин не дошел, его умственный горизонт определялся понятиями Просвещения.

Пушкин – это великий поэт, потому что он проложил дорогу в естественный литературный язык всем, кто пожелает стать его последователем. Он сам так высказался о стихах и о своем месте в истории русского языка: «...стихи, под известный каданс их можно наделать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих – и все начали писать хорошо» (10).

Тем, кто занимается философией сегодня, тоже неплохо было бы научиться стучать в эту самую наковальню и писать хорошо. Может быть немного, но расставляя запятые, не делая орфографических ошибок, разнообразя свой словарный запас и набор синтаксических конструкций.

Каково место Пушкина в истории русской культуры? Православная культура, предшествующая Пушкину, отрицала чувственность, считала ее подозрительной и вредной. Древнерусская и последующая Россия была неразумна, пребывала в плену рассудка и его противоречий. Одно из этих противоречий заключалось в согласии терпеть спонтанные прорывы чувственности. Вот в прошлый раз на докладе я как раз эту тему и затронул. Где-то рассудок оказывается верен себе, ему удается сдерживать чувственность, а где-то эта чувственность проскакивает через заграждения рассудка. Русский нравственный пейзаж – непролазная глушь чувственности и плоская равнина рассудка. Даже там, где чувственность не имеет возможности проявиться, впечатление от культурного пейзажа невеселое, это такая унылая степь, унылая дорога, уходящая куда-то далеко. И в этой степи только ямщицкие песни унылые и поют, а других песен здесь не услышишь.

Пушкин дал чувству достоинство и проложил в русской лесостепи дорогу разуму. Пушкин – зачинатель русского духа. Он разбил гробоподобные аскетические шины русского чувства и дал ему свободу – разумную свободу, возможность расти чувством, не впадая в скотский произвол. Пушкин выпрямил кривые чувства и оживил одеревеневшие души соотечественников.

Пушкин подытожил историческое развитие русского народа и стал основой для всего последующего культурного творчества. Достаточно посмотреть работы литературоведов, чтобы убедиться: Гоголь, Толстой, Достоевский, последующие авторы, так или иначе, соотносят себя с Пушкиным, относительно него определяются, чаще положительно, хотя нередко и отрицательно. Но Пушкин – это точка отсчета для великой русской литературы, какой она стала в XIX веке и продолжала оставаться в XX.

Помимо включенности Пушкина в русский контекст необходимо иметь в виду и его включенность в контекст европейский и через это – в мировой. Пушкин открыл для России Европу. Пушкин ввел в Россию Европу. Если

Петр только приоткрыл форточку, даже не окно прорубил, а именно форточку, через которую узкая прослойка российского общества начинала видеть что-то за пределами древнерусского культурного уклада, то Пушкин широко распахнул окно в Европу и пригласил гостей заходить к нам, бывать у нас и чувствовать себя в России как дома. Лучшие достижения европейской культуры привились на русской почве именно благодаря Пушкину. В первую очередь, конечно, можно вспомнить пять великих европейских литератур – немецкая, итальянская, французская, английская, испанская. Пушкин занимался переводами с этих языков. Но что такое перевод? Перевод – это не просто переложение некоторых слов на свой язык или со своего языка на чужой. Перевод – это искусство передачи тех психологических, социальных и интеллектуальных содержаний, которые заложены в известных единицах языка иной культуры. И Пушкин бесподобно воспроизводил инокультурные способы самосознания. Другие литературы, другие культуры через Пушкина привились на русской почве.

Не случайно, когда говорится о мировой отзывчивости русской души, прежде всего вспоминают Пушкина. Но прав и Вейдле, который сказал, что помимо отзывчивости в русском человеке есть еще способность к любви. А любовь – это не просто отзывчивость ко всему, это избирающая отзывчивость, что-то отмечающая, а что-то выбирающая как свое. Пушкин был, с одной стороны, натурой в высшей степени отзывчивой, с другой же, он оценил достоинство иных культур и выбрал то, что заслуживало быть присвоенным культуре русской: это именно Европа, и это именно Европа в ее классических формах, не современная Европа, а Европа уже уходящая в начале XIX века. Через Пушкина до нас дошли высочайшие образцы европейской культуры. Именно поэтому мы находимся, до недавнего времени находились, под некоторым обаянием, под чарами Европы. Испанский гранд, французский мсье, какой-нибудь немецкий бюргер – вот эти типажи сложились в русском сознании при активном участии Пушкина или при его влиянии.

Вернемся к познавательной проблематике. Что такое поэзия в контексте познавательной проблематики? Поэзия дает слово всем пяти органам чувств, служит для них общим знаменателем. Поэтическое слово напитывается ощущениями – становится ярким и красочным, музыкальным и певучим, нежным и ласковым, сладким и терпким, свежим и благоуханным. Выразительное слово чарует, завораживает и пленяет. Но слово может быть мутным и блеклым, скрежещущим и дребезжащим, острым и резким, соленым и горьким, скверным и гнилым. Такое слово обижает, оскорбляет и отталкивает. Поэт задействует все возможности слова, чтобы зарядить его смыслами, использует все оттенки ощущений, восприятий и представлений. Однако истинный поэт, создающий свою творческую задачу, владея полнотой словесных возможностей, не все их употребляет в равной мере, напротив, целенаправленно создает перевес в сторону прекрасных и высоких значений, лишь намечая теневую сторону чувственного ряда. Будучи в высшей степени эмоционально емким и выразительным, поэтическое слово, тем не менее, – это именно слово, и как таковое оно несет в себе умопостигаемый смысл. О подчиненности чувства уму свидетельствуют неудачи цветового или звукового экспрессионизма в поэзии – такого рода упражнения всегда увлекали второстепенных авторов, не постигших законов гармонии и потому растрачивающих себя на технические изыски в ущерб идее. Больших поэтов всегда ведет мысль. Можно вспомнить слова Веневитинова в этой связи: «Без мысли гений не творит...» Действительно, всецело предаваться переживаниям – грех.

Перед поэтом стоит ряд задач, решая которые он приобретает многообразный жизненный опыт и соответствующие ему понятия. Эти задачи можно разделить на практические и теоретические. К практическим относятся самопрославление; хранение исторической памяти, родовой, племенной и народной; воспитание чувств, в том числе душевное врачевание; восстановление силы языка, возвращение словам тех смыслов, которые в обыденной, деловой речи стираются, улетучиваются; поэт восстанавливает эти смыслы языка; формирование общественного мировоззрения (язык литературы, эстрады и кино, СМИ, язык преподавателей, язык политиков). Теоретические задачи поэзии таковы: познание человеческих чувств и эмоций в их многообразии; познание индивидуальной и народной судьбы (взгляд на индивида и народ с точки зрения целого или Творца) познание мира с точки зрения простого человека и Творца (здесь иной аспект, т.е. речь идет об обобщении жизненного опыта, в том числе рационального).

Перед поэзией стоят множественные практические и теоретические задачи. Но в общем ее назначение можно определить так: назначение поэзии состоит в том, чтобы обнаруживать в случайном необходимое, через упорядочивание хаоса впечатлений и соображений создавать переживаемый и познаваемый мир, и возвышать человека до понимания идей всеобщей судьбы и личной свободы.

Философия, как показал святой Гегель в «Феноменологии духа», (аплодисменты, оживление в зале), не оторвана от жизненного опыта, а только и возникает благодаря осмыслению разных жизненных форм и преодолению их ограниченности. Поэзия – одна из высших форм, вобравшая в себя опыт ощущения, восприятия и рассудочного аскетизма. Поэзия порождает истинное чувство. Поэзия – высшая форма упорядочивания чувственности, в ней соотнесены разные регистры восприятия и каждому дано свое значение с точки зрения выражаемого смысла. Поэзия первая вносит ясность в сферу представлений. За ней следует религия и прозаическая теория.

Феноменология – это путь духа к себе самому, завершающийся в логике. Единообразен ли этот путь? И если нет, то не влияет ли характер его прохождения на способность логической идеи порождать мир? Логика – это изображение мира в уме Бога до сотворения. Такое определение мы находим в «Науке логики». Логика – это изображение чего в уме Бога до сотворения? Сложность логического образа как-то должна соотноситься с образом чувственным. Более или менее сложный образ мира формируется в процессе феноменологического движения, и этот образ мира Гегель и объяснил при помощи Господа Бога в логике. Путь Гегеля, безусловно, труден, сложен, извилист, может быть. Его мир богат. Но этот мир может быть еще богаче, и тогда потребуются иная логика. Тогда Бог этого мира должен будет проявить еще большее могущества, еще больше энергии мышления. В самой гегелевской философии отобразился исторический путь человечества от античности до нового времени. В античности Гегель не появился бы, потребовался

дополнительный культурный опыт, два тысячелетия христианской культуры. Если Гегель историчен в том, что мог появиться только в свое время, а не раньше, значит в чем-то его можно и превзойти, и наше время имеет какую-то культурную фору по сравнению с Гегелем.

Философской русская мысль станет только тогда когда породит небывало ясную высокую и величественную истину. Для этого требуется напряжение всех народных сил, каковые сосредоточены в настоящем имени России – Пушкине. Единственный русский шанс в философии связан с Пушкиным, только у него можно научиться любви к мудрости, какой не испытывал даже Гегель. Только на пушкинский влюбленный зов мудрость сможет откликнуться еще откровеннее.

Пушкин – это приятное зачатие русского духа. Затем следует долгий срок вынашивания смыслов, потом болезненные схватки и роды. Сможет ли русский народ родить? Вовсе необязательно. И даже маловероятно. При нашей нравственной культуре, при нашем вороватом жлобстве и гнилой неверности, при нашем выродившемся искусстве, при нашей официозной и сопливой поэзии, при нашей карликовой политике и рахитичной экономике ничего хорошего не выйдет.

Опыт расширения поэзии до философии, т.е. прохождение феноменологического пути, был проделан отчасти самим Пушкиным, но его философия – это рассудочная догматичная мысль Просвещения. И Пушкин как мыслитель нам не поможет непосредственно в деле преодоления гегелевской логики. Чем же он может быть полезен? Пушкин – это, с одной стороны, поэт, с другой – мыслитель, а с третьей – это метод приобретения жизненного опыта. Этот метод, пожалуй, выгодно отличает всю нашу культуру от всех остальных культур. Пушкин самый европейский европеец. И при этом он стоит одной ногой в Африке, другой в Азии, а его кудрявая голова лежит на европейском континенте (*оживление в зале*). Он действительно всемирный человек. И вот этой его отзывчивости, любящей отзывчивости, не всеядной отзывчивости, мы должны учиться.

Определенные попытки уже предпринимались, неясные самим пытавшимся, но культура философского письма на рубеже XIX-XX вв. действительно была в России высока. Литературность изложения вошла в норму, стала обычным делом для людей прикосновенных к философии. К сожалению, литературные достоинства произведений русских философов XIX и XX вв. значительно превосходят интеллектуальную сторону этих произведений. Конкретный пример такой слабости ума, недостаточного осознания задач, стоящих перед философией – Владимир Сергеевич Соловьев. Остальные мельче. Соловьев принципиальная фигура для русской философской традиции, он своего рода Пушкин в нашей философии, но только если Пушкин вышел на мировой уровень, то Соловьев остался за главного только в наших пенатах.

Соловьев занимался философией, не видя окончательной цели, ради чего, у него не было ясного видения историко-философского процесса. Он не увидел, что Гегель это вершина и что преодолевать вершину нужно, не обходя ее подношью, а взобравшись наверх. Он не сформулировал задачу – преодолеть Гегеля через самого Гегеля, взять главный гегелевский текст «Науку логики» и показать ее внутреннее несовершенство, если удастся. Сама задача не была сформулирована. При этом в литературном плане, пожалуй, Соловьев Гегеля-то превосходит. Но этот побочный навык не помог ему стать мыслителем мирового уровня.

О слабости мышления Соловьева (конечно слабость в сопоставлении с мировой величиной) свидетельствует и другое. Соловьеву не хватило масштаба личности для того, чтобы оценить такое явление, как Пушкин. Мы знаем, что Соловьев неоднократно обращался к изучению творчества и личности нашего великого поэта, он посвятил Пушкину несколько статей. Но суждения Соловьева о Пушкине страдают односторонностью и какой-то плоскостью. Скажем, Соловьев отмечает у Пушкина резкий разлад между творческими и житейскими мотивами. По мнению Соловьева этот разлад между творческими и житейскими мотивами казался самому Пушкину «чем-то окончательным и бесповоротным, не оскорблял нравственного слуха, который, очевидно, был менее чутким, нежели слух поэтический» (11).

Конечно, нравственность Пушкина можно обсуждать, там есть что обсудить, однако же для того, чтобы судить о ней, нужно видеть многогранность пушкинской личности и понимать, какие задачи Пушкин перед собой ставил и какие понятия о добре и зле были функциональны в этой вселенной. Те понятия, которыми пользуется Владимир Сергеевич Соловьев, значительно уступают по своей сложности пушкинским и конечно получается, что Пушкин творчеством от нравственности отделил. Между тем как цельность жизненного пути Пушкина подчеркивали и многие его современники, и многие потомки. И жизненные факты, и художественные произведения – все это один вектор его личностного развития.

Пушкин чужд всякого дуализма. Его уж или обвинять в бесконечном политеизме, в бесконечной разбросанности, или в последовательнейшем поэтическом монизме. Но дуализм, какие-то принципиальные дилеммы – для Пушкина это не характерно.

Показательно, как Соловьев оценивает поведение Пушкина при получении оскорбительного письма, в котором выражаются догадки насчет отношений Натальи Николаевны с ее соблазнителем. Соловьев показывает полное непонимание дворянской чести и мужского достоинства, а через это и всей социально-философской проблематики, которая Пушкина-то заботила! Цитирую: «Не говоря уже об истинной чести, требующей только соблюдения внутреннего нравственного достоинства, недоступного ни для какого внешнего посягательства, – даже принимая честь в условном значении согласно светским понятиям и обычаям, анонимный пасквиль ничьей чести вредить не мог, кроме чести писавшего его. Если бы... автором письма был действительно Геккерн, то он тем самым лишил себя права быть вызванным на дуэль, как человек, поставивший себя своим поступком вне законов чести» (12). Вот это понимание Соловьева. Моральный закон действует внутри нас, он как бы независим от окружающей среды, и все человеческое достоинство таится где-то в сокровенных глубинах нашего существа и ничем оскорблено быть не может. Это речь маленького человека, человечка, ни за что, и главное, ни за кого не отвечавшего. Это речь низкого человека, лишенного личной чести и не способного оценить урон, нанесенный чести чужой. Это речь человека, который не понимает цену условности, не отвечает за условные знаки – слова – и потому говорит всего лишь слова, а не вещи, как полагается всякому здоровому потомку Адама. Это речь человека, никогда не любившего. Такой смиренник встретит на улице сцену насилия и за слабого не вступится – потому что, во-первых, его истинная честь прячется глубоко внутри и ничем внешним

не задета, а во-вторых, мारаться неохота. Это кривое чувство. А кривая мысль состоит в дуализме, в том, что социальная и вообще внешняя сфера отрывается от внутренней и рассматривается как досадное недоразумение, не включается в состав декларативно искомого всеединства. В свете этой поздней статьи, а о Пушкине Соловьев особенно много писал в середине и второй половине 1890-х гг., уже незадолго до смерти, следует оценивать и все социально-философские работы Владимира Сергеевича Соловьева – наивные, безответственные и вредные. Вреднее Соловьева только его последователи (*смех, аплодисменты*).

Русской мысли есть над чем работать, ей нужно уделить больше внимания воспитанию чувства, воспитанию поведения, и тогда у нее появится шанс стать мыслью философской. Мы сначала должны научиться правильно чувствовать, правильно поступать и после этого у нас станет возможно появление правильного мыслителя, который будет способен адекватно истолковать то сложное бытие, которое нам всем принадлежит и которому мы все принадлежим. Труд освоения языка – это совместный труд. Нам необходимо создавать языковую среду, где будет в употреблении язык сложный, разнообразный, язык готовый к заимствованиям, язык готовый к взаимодействию с другими языками, с другими культурами. В таком случае у нас с вами будет русская философия. И мне бы очень хотелось, чтобы мы не в очень отдаленном будущем дали миру философа – такого же как Платон, такого же как Гегель.

Примечания

- (1) См. стенограмму заседания от 25 февраля 2011 г. Доклад П.Ю. Нешитова [«Любовь: русское чувство на морозе истории»](#)
 - (2) Гегель, Наука логики. – М., 1998. С. 36.
 - (3) Гегель, Наука логики. – М., 1998. С. 22.
 - (4) Гегель Г. о некоторых характерных отличиях древних поэтов. //Гегель Г. Эстетика. В 4 тт. Т. 4 /Сост. М.А. Лифшиц. – М., 1973. С. 9-12. С. 10.
 - (5) Гегель Г. О некоторых преимуществах, извлекаемых нами из чтения древних греческих и римских писателей. //Гегель Г. Эстетика. В 4 тт. Т. 4 /Сост. М.А. Лифшиц. – М., 1973. С. 12-15. С. 13.
 - (6) Гегель Г. О некоторых преимуществах, извлекаемых нами из чтения древних греческих и римских писателей. //Гегель Г. Эстетика. В 4 тт. Т. 4 /Сост. М.А. Лифшиц. – М., 1973. С. 12-15. С. 14.
 - (7) Гегель Г. Речь директора гимназии 29 сентября 1809 г. //Гегель Г. Работы разных лет. В 2 тт. Т. 1 /Вступ. ст. А.В. Гулыги. – М., 1972. С. 400.
 - (8) Гегель Г. Речь директора гимназии 29 сентября 1809 г. //Гегель Г. Работы разных лет. В 2 тт. Т. 1 /Вступ. ст. А.В. Гулыги. – М., 1972. С. 402.
 - (9) Гегель Г. Речь директора гимназии 29 сентября 1809 г. //Гегель Г. Работы разных лет. В 2 тт. Т. 1 /Вступ. ст. А.В. Гулыги. – М., 1972. С. 402.
 - (10) Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1984. С. 3-19. С. 80.
 - (11) Соловьев В.С. Судьба Пушкина. // Соловьев В.С. Литературная критика /Сост. и коммент. Н.И. Цимбаева. – М., 1990. С.178-204. С.187.
 - (12) Соловьев В.С. Судьба Пушкина. // Соловьев В.С. Литературная критика /Сост. и коммент. Н.И. Цимбаева. – М., 1990. С.178-204. С.198.
-